

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Обзор подготовлен за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00269

В обзоре излагаются основные идеи научного семинара по гранту РНФ № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства». Представлены основные выводы докладов об этапах социально-экономического развития, роли специфических институциональных механизмов в социально-экономическом развитии России второй половины XX века.

Россия, вторая половина XX века, институты социально-экономического развития.

28–30 марта 2020 г. участники гранта Российского научного фонда № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства» провели дистанционный научный семинар на базе Вологодского государственного университета. Это уже не первое научное мероприятия подобного рода [20]. На семинаре был заслушан ряд докладов, посвященных концептуальным проблемам исследования. Ведущим семинара выступил д-р ист. наук, профессор заслуженный деятель науки РФ Михаил Алексеевич Безнин. Участниками семинара стали члены научного коллектива, работающие по гранту, д-р ист. наук, доцент Татьяна Михайловна Димони, д-р экон. наук Константин Анатольевич Гулин, канд. ист. наук, доцент Юрий Сергеевич Никифоров, канд. ист. наук Анна Сергеевна Столетова, магистрант Ксения Владимировна Кушнерева. Ниже изложены основные моменты прозвучавших докладов.

Д-р ист. наук *М.А. Безнин*,
д-р ист. наук *Т.М. Димони*
«Основные этапы социально-экономической трансформации советской России: от аграрного к капитализированному обществу»

XX век был периодом, когда в России произошла масштабная трансформация, связанная с коренным изменением типа экономического, социального устройства общества, его психологических и ментальных характеристик. По сути дела, изменились все параметры устройства: натуральная по преимуществу экономика была заменена товарной (существовавшей при советской власти в специфической форме), важнейшим фактором производства стал капитал, основная часть валового производства продукции начала производиться в промышленном секторе и сфере услуг, крестьянский двор как основная производственная единица уступил место профессиональному коллективу и т.д.

Ключевым вопросом изучения перехода от аграрного к капитализированному обществу является поиск методологических подходов к сложным процессам трансформации, определение критериев анализа, выявления этапов происходящих процессов. Одним из таких методологических подходов вполне может

быть марксова теория первоначального накопления капитала.

В 1920–1990-е гг. обществоведы неоднократно обращались к обсуждению первоначального накопления капитала как экономического и исторического процесса. Первое заметное обсуждение этого вопроса было связано с поисками путей экономического рывка в 1920-е гг. Свой взгляд на проблему первоначального накопления тогда высказал известный экономист Е.А. Преображенский в статье «Основной закон социалистического накопления» (1924 г.) [13], но был жестко раскритикован политической элитой. С этого времени в советской политической экономии был введен термин «социалистическое накопление». Второй период обсуждения истории первоначального накопления в России последовал в 1950-е гг., когда, в частности, в Институте истории АН СССР (1955 г.) были сделаны доклады Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. В докладе Б.Б. Кафенгауза «О первоначальном накоплении в России» [9] процесс характеризовался как, в первую очередь, насильственные меры, резко ускоряющие накопление. В докладе Н.И. Павленко было отмечено, что явления первоначального накопления прослеживаются в России с XVII в., когда накопление капиталов производилось посредством товарообмена. На последующих этапах в первоначальном накоплении играли большую роль меркантилизм и возросшие феодальные повинности на крестьян [12]. В целом дискуссия показала необходимость более четкого определения понятия «первоначальное накопление». Большинство ее участников понимало под этим термином процесс отделения непосредственных производителей от средств производства, другие – накопление капиталов. Третий этап возвращения к проблеме первоначального накопления капитала в России приходится на начало XXI века. Исследователи довольно единодушно относят к этому периоду 1990-е гг., когда происходит масштабный передел собственности. Однако практически все выводят из-под характеристики этого периода советское время [6; 14].

Задача определения границ периода первоначального накопления в России до сих пор остается нерешенной. Однако все становится на свои места, если обратиться к крупным изменениям в экономике России в советский период. Именно в это время прошла

экспроприация мелких производителей, аккумуляция средств в руках государства, действовавшего через атомизированный слой государственной прото-буржуазии (партийной, советской, хозяйственной, финансовой верхушки). В историографии данный процесс называется индустриализацией и коллективизацией (повторяя догмы «Краткого курса “Истории ВКП(б)”»).

В процессах первоначального накопления капитала в СССР решающую роль играл период 1930–1950-х гг. Начало его связано с коллективизацией сельского хозяйства. В ходе этого этапа было осуществлено изъятие средств производства у индивидуальных сельхозпроизводителей, создан рынок рабочих рук для работы по найму в промышленности и сельском хозяйстве (колхозники в этом смысле отличались большой спецификой). Земельные фонды в основном были изъяты у крестьянских хозяйств и перераспределены в пользу общественного хозяйства (колхозов и госхозов). Крестьянские хозяйства (единоличные хозяйства и дворы колхозников) за период 1928–1937 гг. лишились 72 % (2/3) основных капиталов, причем это были наиболее «продвинутые» виды капиталов – сельхозмашины и орудия, рабочий и продуктивный скот. Наиболее быстрая потеря капиталов крестьянских хозяйств произошла в период 1931–1934 гг. [16]. Все эти реформы создавали предпосылки для массового оттока местных жителей из деревни. Население деревни России сократилось с 76 млн чел. в 1926 г. до 55,9 млн в 1959 г., т.е. почти на 20 млн человек [10, с. 5; 11, с. 5].

Накопление капиталов в 1930–1950-е гг. осуществлялось за счет большой системы мер, увеличивавших капиталы промышленности, в том числе за счет прибыли промышленных предприятий. Но главные усилия государство предприняло по законодательному оформлению и реализации системы изъятия средств из сельского хозяйства [1; 2]. Масштабы изъятия ресурсов позволяют представить данные баланса народного хозяйства СССР, согласно которым, например, в 1935 г. всего накоплений в экономике СССР было 40 млрд руб., из них – в промышленности – 21,4 млрд руб., что составляло более 50% накоплений, в сельском хозяйстве – 3,9 млрд руб., что составляло только 1/10 часть всех накоплений [15].

Границу завершения процессов основного этапа первоначального накопления можно определить по целому ряду важнейших индикаторов. Прежде всего, это уход господства аграрной составляющей из жизни общества как в экономической, так и в социальной, духовной сферах, превалирование среди факторов производства капитала, превышение его доли над живым трудом, рост качества и уровня жизни населения, снижение тяжести налогов и пр. И.В. Сталин считал переломным в превращении страны из аграрной в индустриальную 1929 г. (в этом году удельный вес промышленности в национальном доходе впервые превысил показатели доли сельского хозяйства: 55% составляла доля промышленности, 45% – доля сельского хозяйства) [18, с. 310].

Соотношение факторов производства дает возможность представить такой экономический показатель, как доля капитала и «простого» труда в себе-

стоимости продукта. Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от капитализированного, пройдена. Расчеты удельного веса живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда (по данным межотраслевого баланса затрат труда) показывают, что в 1975–1985 гг. они соотносились как 60:40 в пользу живого труда, что выявляет ресурсы капитализации, еще не освоенные советской экономикой [3, с. 244]. Важнейшим индикатором завершения процессов первоначального накопления является пролетаризация населения, переход к зарплате как основному источнику средств существования. В этом плане особенно важны показатели построения бюджетов колхозников, дольше всего сохранявших черты аграрного общества. Доля дохода от личного хозяйства начинает стремительно сокращаться в них с конца 1950-х гг. В 1960 г. доля личного хозяйства в совокупном доходе семьи колхозников России составляла 42%, в 1970 г. – 33%, в 1980 г. – 25% [17; 5, с. 95].

Период, последовавший за основным этапом первоначального накопления, характеризуется завершением многих процессов, позволявших промышленной части экономики аккумулировать основную часть ресурсов. Прежде всего, снижается налоговая нагрузка на сельское хозяйство, коренным образом изменяется феномен товарности. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок сельхозпродукции, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. Это период, когда основные сферы экономики уже были высококапитализированными производствами, в стране достаточно полно масштабно функционировал рынок, действовала современная финансово-кредитная система и др.

Д-р экон. наук *К.А. Гулин*
«Сущность и механизмы планирования советской экономики во второй половине XX в.»

Изучение эволюции формальных основ и реальной практики планирования в СССР является важной задачей, поскольку позволяет глубже понять процессы трансформации советского общества, а также логику социальных противоречий, обусловивших коллапс экономической системы страны. В этой связи важно уйти от крайних точек зрения, в рамках которых планирование трактуется либо как всеобъемлющая сбалансированная система управления экономикой («плановая экономика»), либо как совокупность административных приказов («командная экономика»). Наиболее продуктивным, с нашей точки зрения, представляется подход, придерживающийся при анализе советской практики концепции централизованно управляемой, а не централизованно планируемой экономики [8, p. 175].

К началу 1950-х годов базисом советской экономической системы являлся комплекс крупных предприятий тяжелой промышленности, созданный на основе принятия и реализации мобилизационных планов, носивших сугубо директивный характер. Це-

лесообразность мобилизационного типа управления экономикой, вероятно, была оправдана в условиях необходимости создания современной производственной базы, отвечавшей требованиям исторического момента. Однако в послевоенный период ситуация изменилась: экономика становилась все более масштабной, а специализация – все более глубокой, что приводило к большей сложности экономических взаимосвязей. Тем не менее, вплоть до конца советского периода планирование оставалось громоздким набором процедур постановки задач и контроля их выполнения, основные принципы которого существенно не изменялись.

Хотя управление советской экономикой официально базировалось на планировании, не было создано единого планового законодательства, охватывавшего всю экономику или, по крайней мере, ее различные компоненты. По мнению О. Ioffe и Р. Maggs, такое положение дел не было случайным [7, p. 106]. Оно обуславливалось нежеланием партийно-государственной элиты ограничить себя в такой сфере, как управление экономикой, учитывая ее важность для поддержания неограниченной политической власти. Разрозненные нормы экономического планирования были более предпочтительными, нежели систематизированное и комплексное правовое регулирование, поскольку предоставляли больше свободы маневра для тех, кто осуществляет планирование на практике.

Основной техникой и методологией советского планирования был принцип «от достигнутого уровня», означавший, что показатели плана определялись путем добавления к соответствующим показателям, достигнутым в предыдущий период определенной доли роста. Последующие итерации, проводившиеся в недрах Госплана СССР посредством балансовых и нормативных методов, использовались в основном в качестве проверок, а также для того, чтобы дать плановым заданиям «обоснованный» внешний вид, а не приблизить их к реальности. Ключевой недостаток указанного подхода к постановке плановых задач заключался в том, что он не отвечал центральной задаче планирования, связанной с оптимальным распределением ресурсов для достижения целей сбалансированного социально-экономического развития. По мере того как экономика все в большей степени переходила на модель экономики потребления, сближаясь с капиталистическими рыночными экономикой, устоявшиеся десятилетиями принципы планирования все в меньшей степени были способны обеспечить устойчивость советской экономической системы.

Одним из базовых принципов планирования была «напряженность планов», выражавшаяся в большем объеме плановых заданий по сравнению с возможностями предприятий. На практике это приводило, с одной стороны, к недостатку у руководителей предприятий реальных стимулов к развитию производства (отсутствие заинтересованности в существенном перевыполнении плановых заданий, внедрении инноваций, повышении качества продукции). С другой стороны, в условиях системных проблем, связанных, прежде всего, с неудовлетворительной работой сфер снабжения и материально-технического обеспечения, это обуславливало наличие негативных явлений

(«штурмовщина», приписки, фальсификация отчетности и др.).

Неотъемлемым элементом практики советского экономического планирования был непрерывный процесс «уточнения» или корректировки утвержденных планов в течение всего периода их выполнения. Несмотря на периодические указания о недопустимости корректировки плановых заданий, эта практика имела массовое распространение. Такая ситуация обуславливалась двумя основными причинами: во-первых, корректировки служили, по факту, инструментом, позволявшим приблизить директивно устанавливаемые значения планов к реальной экономической практике; во-вторых, они были неформальным механизмом изменения плановых заданий, действовавшим в интересах представителей как административного аппарата всех уровней, так и руководителей предприятий – конкретных исполнителей планов.

Принципиальным противоречием системы планирования был органически заложенный в ней конфликт между интересами планово-распорядительных органов и конечных исполнителей планов. Реформы планирования (1965, 1979, 1987 гг.), отчасти были призваны сгладить этот конфликт путем расширения номинальной автономии социалистических предприятий. В то же время эти реформы не затрагивали основ централизованного управления экономикой, в которой пределы самостоятельности предприятий были строго регламентированы. Это закладывало предпосылки для различных форм оппортунистического поведения хозяйственных руководителей, что в особенности проявилось в последние годы существования СССР и стало одним из факторов коллапса его экономической системы.

Канд. ист. наук *А.С. Столетова*

(при участии магистранта *К.В. Кушнеревой*)

«Роль обычая в институциональных особенностях российской экономики»

Институционализм – направление исследований, рассматривающих организацию общества как комплекс различных объединений граждан. Понятие институционализм включает в себя два аспекта: институции – нормы, обычаи поведения и институты – нормы, обычаи, закрепленные в виде законов, организаций, учреждений. При этом социум анализируется как определенная институциональная структура, аккумулирующая социальный опыт государства, конфигурацию сложившихся законов, взаимоотношений, традиций, связей, образ мышления и мировидения. Безусловно, проведение подобного изыскания требует учета взаимосвязей, возникающих между обществом и институтами, а также взаимоотношений, находящихся в зависимости от институциональных ограничений. В качестве основополагающей утверждается идея о том, что институты являются ключом к пониманию связей между обществом и экономикой, политикой, правом. Таким образом, функционирование экономической системы рассматривается как часть разворачивающегося институционального процесса.

Общезначимые институты собственности, рынка, семьи, на наш взгляд, могут характеризоваться через категорию «обычай». Привычный, но не закреплённый законом стереотипный способ действий был актуализирован в советском обществе. В особенности это проявилось при реализации права пользования в экономической системе второй половины XX в. Отметим, что в этот период обычай в явлениях советской действительности (касаемо экономической отрасли) все чаще проявлялся в модели отклоняющегося поведения. Тон задавали кардинальные социально-экономические трансформации, вызвавшие смену ценностных ориентиров, нравственных идеалов, мировоззренческих устоев. В свою очередь перед исследователем встает проблема разграничения позиций: что относить к обычаям, а что к девиациям. К примеру, в 1960–1980-е гг. получили распространение поведенческие отклонения от принципов «От каждого по способности – каждому по труду», «Кто не работает – тот не ест». Сложность состоит в том, что даже девиации со временем могли приобрести окрас обычаев, как, например, принцип в распределении материальных благ «Я – тебе, ты – мне».

1960–1980-е гг. – это время расцвета товарного голода, спекулятивной деятельности и обыденности таких явлений общественной жизни, как растраты и хищения имущества. Источниковый материал Российского государственного архива новейшей истории дает основание полагать, что бесхозяйственность, расточительство, транжирство, халатность, неэкономное расходование средств, некачественный труд, антиобщественный образ жизни, тунеядство имели достаточно широкое распространение как нормы общественной жизни. Формировался определенный тип поведения, отношений и контактов, связанных с перепродажей товаров, спекуляцией, установлением нелегальных наценок. Постепенно данная практика стала применяться в торговых точках, ларьках, магазинах. Развивалась традиция отпуска недостающих в обращении предметов торговли родственникам либо руководящим лицам. Нередко такая деятельность приводила к образованию преступных групп. При этом часто страдали рядовые сотрудники торговых предприятий, на долю которых списывались недостачи. В целом происходил поворот от коллективистских к частнособственническим идеалам, индивидуализму, коммерциализации деятельности.

Постепенно укоренялись неписанные законы, действовавшие в структурах распределения имущественных благ, материальных ценностей (квартиры, автомобили, дачи и др.). Утверждались меркантилистская мораль, желание присвоения имущества, обогащения. Люди часто шли на должностные преступления. Обычай кумовства, землячества, блата нередко определяли статус людей. Использование полезных связей прочно вошло в шаблон жизни, мысль о возможной влиятельной поддержке в обмен на услуги фиксировалась в сознании людей. Указанные традиции оказались устойчиво вплетены в социально-экономическую жизнь общества второй половины XX века. Их внедрение соседствовало с трансформацией ценностных характеристик, искажением нравственного поля советских граждан [19].

Канд. ист. наук **Ю.С. Никифоров**
«Векторы и акторы идеолого-политического обеспечения трансформации классового генезиса и эволюции экономического устройства советского общества (1950–1991 гг.)»

Характеризуя идеолого-политическое обеспечение трансформации классового генезиса и эволюции экономического устройства советского (1950–1991 гг.) и постсоветского общества, следует обратиться к понятию идеология. Наиболее точным представляется следующее его определение: «Идеология имеет построение в виде системы взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» (Желудков М.А., 2008).

Анализируя классовый генезис и эволюцию экономического устройства СССР, следует учитывать контекст, те исторические вызовы, с которыми столкнулась экономика Советского Союза к началу 1950-х гг.: новая модель гонки вооружений, замедление экономического роста, включая общую факторную производительность и производительность труда, вызовы энергетической программы, запоздалая отдача от инноваций в народном хозяйстве, приоритеты в пользу военно-промышленного комплекса.

Обозначим ключевые факторы и векторы идеолого-политического обеспечения трансформации классового генезиса и эволюции экономического устройства советского (1950–1991 гг.) общества в виде спектра различных мнений, отражающих официальный/властный и экспертный/научный векторы проблемы.

Изучение официального (властного) вектора формирования политико-идеологических трендов требует исследования таких базовых источников, как материалы съездов КПСС, Конституции СССР 1936 и 1977 гг., официальные нормативно-правовые акты, касающиеся социально-экономической жизни СССР, выступления и политические труды главных официальных лиц страны. Интерес представляют также черновые варианты речей и статей высших советских и партийных руководителей 1950–1980-х гг., отложившиеся в фондах РГАНИ. Особый ракурс изучения официального (властного) вектора проблемы – взгляд через призму мемуаров партийных и советских государственных деятелей.

В рамках экспертного (научного) вектора проблемы трансформации советской идеологии необходимо обратиться к публикациям ученых-экономистов 1950–1980-х гг. в официальных газетах и научно-теоретических журналах СССР («Правда», «Коммунист», «Экономика и организация промышленного производства», «Партийная жизнь», «Вестник Академии наук СССР», «Экономическая газета», «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство»). Интерес представляют и тексты неформальных общественных деятелей, в том числе диссидентов, посвященные альтернативному видению проблем СССР; работы зарубежных экспертов-исследователей, в том числе советских эмигрантов.

В центре политико-идеологических дискуссий ученых и политиков брежневского периода находились

такие сюжеты, как стратегии перехода от экстенсивного к интенсивному развитию, чрезмерное усиление автономности социалистических предприятий на фоне слабой ценовой гибкости, система фиксированных цен и децентрализация науки как факторы сдерживания прогресса, разросшийся сырьевой комплекс.

Выскажу гипотезу о том, что в риторике советской власти (выступлениях официальных лиц и нормативно-правовых документах) 1950–1980-х гг., связанной с социально-экономической сферой, наблюдалась постепенная трансформация от традиционных политических идеалов к примату материальных интересов.

В заключение научного семинара д-р ист. наук М.А. Безнин подчеркнул необходимость поиска новых концептуальных подходов к осмыслению социально-экономической истории советского общества. Он отметил, что институциональный подход предлагает важные новые направления изучения темы, однако только им ограничиваться нельзя. Новыми элементами, нуждающимися в дальнейшем углубленном изучении, являются процессы первоначального накопления в СССР, плановые механизмы в экономике, роль политики и идеологии в создании экономических трендов. Интересным сюжетом будет начатое исследование о роли традиции и обычая в экономической жизни страны.

Литература

1. Безнин, М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва : Ленанд, 2019. – 608 с.
2. Безнин, М. А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
3. Beznin, M. A. Revisiting the type of economic system in the USSR / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2016. – № 5. – P. 238–250.
4. Birman, I. 'From the Achieved Level' / I. Birman // Soviet Studies. – Vol. XXX, № 2. – Pp. 153–172.
5. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975, 1980–1984 гг. – Москва, 1985. – 180 с.
6. Красникова, Е. В. Развитие капитализма в России век спустя / Е. В. Красникова. – Москва : Теис, 2003. – 167 с.
7. Ioffe, O. S. The Soviet economic system: a legal analysis / O. S. Ioffe, P. B. Maggs. – Westview Press, 1986. – 326 p.
8. Linz, S. Managerial Autonomy in Soviet Firms / S. Linz // Soviet Studies. – Vol. 40, № 2 (Apr., 1988). – Pp. 175–195.
9. Материалы к заседанию ученого совета Института истории АН СССР от 4 июля 1955 г. // Павленко Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (материалы к обсуждению). – Москва, 1955. – С. 1–2.
10. Народное хозяйство РСФСР : статистический сборник. – Москва : Госстатиздат, 1957. – 373 с.
11. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегодник. – Москва, Статистика, 1977. – 367 с.
12. Павленко, Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII–XVIII вв.) / Н. И. Павленко. – Москва, 1955. – С. 3–51.
13. Преображенский, Е. А. Основной закон социалистического накопления / Е. А. Преображенский // Вестник Коммунистической академии. – 1924. – № 8. – С. 47–116.
14. Прозоровская, К. А. Девиантное экономическое поведение в России: историческая ретроспектива и факторы институционализации в эпоху «первоначального накопления капитала» / К. А. Прозоровская. – Санкт-Петербург : Инфо-да, 2014. – 164 с.
15. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 3. – Д. 317. – Л. 48.
16. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 80. – Д. 63(a). – Л. 50, 52, 54, 56, 63.
17. Совокупный доход семей колхозников и его распределение. Статистические материалы. Приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1 (189). – Москва, 1962. – 30 с.
18. Сталин, И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 13 / И. В. Сталин. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. – С. 282–379.
19. Столетова, А. С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов / А. С. Столетова // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 379–391. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.
20. Трансформация российского общества 1950–1990-х гг. : методология, понятийный аппарат, источники. Методологический семинар. Вологодский государственный университет (14–15 июня 2019 г.) / сост. М.А. Безнин // Вестник Вологодского государственного университета. Серия «Исторические и филологические науки». – 2019. – № 3 (14). – С. 102–113.

Обзор подготовил М.А. Безнин

METHODOLOGICAL SEMINAR ON THE DEVELOPMENT OF SOVIET SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

The review was prepared at the expense of the Russian Science Foundation grant № 19-18-00269

The review presents the main ideas of the scientific seminar on the RSF grant № 19-18-00269 «Transformation of Russian society in the 1950–1990's: class genesis and evolution of the economic structure». The main conclusions of the reports on the stages of socio-economic development, the role of specific institutional mechanisms in the socio-economic development of Russia in the second half of the twentieth century are presented.

Russia, the second half of the twentieth century, institutions of social and economic development.